

Он задал этот вопрос так тихо. Если бы оба они не знали, сколько внутренних бурь и сомнений скрывалось за каждым шагом навстречу друг другу, эти слова могли бы показаться обыденной, брошенной вскользь фразой. Но стоило им прозвучать, как они оба замерли.

Чэн Цзие стоял ступенькой ниже Юй Сингэ. На старой деревянной лестнице юноша возвышался над ним. Перила оплетали густые вьюнки ипомеи; слегка откинувшись назад, Цзие примял ладонью пышное соцветие и поднял глаза на своего спутника. Солнечные лучи мирно ложились на ступени. Чэн Цзие небрежно положил вторую руку на поручень, наблюдая, как тень на лице кудрявого парня медленно тает в косых лучах полуденного солнца. Пальцы его сами собой сильнее сжали резное дерево балясины.

Юй Сингэ промолчал. В густом, сладковатом аромате цветущей ипомеи их безмолвный диалог говорил сам за себя. Смысл вопроса был ясен обоим без лишних объяснений. Полуденное солнце палило вовсю; лучи, проходя сквозь оконное стекло, окрашенное чуть бледнее церковных витражей, падали на охапки цветов. В этом ярком свете отчетливо виднелась каждая пылинка, медленно кружащаяся над деревянными ступенями.

Юй Сингэ слегка опустил ресницы. Чэн Цзие смотрел на него своими темными, глубокими глазами, терпеливо ожидая ответа.

«Тебе не хватает чувств, которые врезаются в самую душу?»

Юй Сингэ вдруг тепло улыбнулся, прищулив глаза. Черные кудри слегка качнулись в такт движению его головы — точь-в-точь как лепестки вьюнка на легком ветру.

— Какое совпадение, гэ, — мягко произнес Юй Сингэ, — мне действительно их не хватает.

Казалось, среди буйства зелени и оконных рам время замедлило свой ход, и даже пылинки в воздухе стали кружиться плавно, неспешно, словно рыбка в аквариуме, которая замерла в переплетении водорослей.

Глядя на кудрявого юношу, Чэн Цзие на мгновение задался вопросом: догадывался ли тот, что некоторые из моментов, когда его сердце замирало, были подстроены намеренно?

Но теперь первый шаг сделан. Впереди целая жизнь, и общественные устои наверняка вымостят для них тернистый, полный невзгод путь. Не пожалеет ли он когда-нибудь, что заставил этого человека полюбить себя? Не проклянет ли тот день, когда решил в такое прекрасное солнечное утро произнести эти слова, подтолкнув своего гитариста на столь опасную дорогу?

Все вопросы повисли в воздухе, растворяясь в глубоком молчании.

Он не ведал, что ждет их впереди, но ни секунды не сожалел о сделанном выборе. И все же,

глядя на дорогого ему человека, он не удержался от вопроса:

— Вдруг наступит день, когда ты пожалеешь об этом?

«Не стоило говорить это сейчас», — тут же подумал Чэн Цзие.

— Не пожалею, гэ, — ответил Юй Сингэ. Он нежно прикоснулся ладонью к его щеке. Чэн Цзие частенько делал так сам, и теперь Сингэ просто не смог удержаться от этого жеста. — Дело не в том, что я сделал осознанный выбор в твою пользу.

В его темно-карих глазах отразилась абсолютная серьезность:

— Дело в том, что я тебя люблю.

Этот кудрявый парень порой любил немного подурочиться, но сейчас он открыл душу без утайки, являя Чэн Цзие свои искренние, чистые чувства. Навязанные рамки книжного сюжета рухнули — отныне он дарил Чэн Цзие настоящую, нераздельную любовь.

Уголки губ Юй Сингэ поползли вверх. Внезапно он легонько ущипнул своего черноволосого вокалиста за щеку и, воспользовавшись секундным замешательством на лице мужчины, прильнул к его губам.

Полдень дышал зноем. Они целовались на деревянной лестнице, а налетавший сквозь открытое окно ветерок слегка трепал полы их одежды. У занятий музыкой, к слову, обнаружился неожиданный плюс: натренированные легкие позволяли наслаждаться поцелуем, не сбивая дыхания. Прежде каждый из них играл роль искушенного охотника на любовном поприще — один заходил слишком далеко, другой обжигался, но теперь все прежние игры были забыты. Их чувства больше не нуждались в условностях и масках. Раз уж они дали друг другу это молчаливое обещание, то ни один не отступит. Шаг назад делать никто не собирался.

Будущее их не страшило. Однако прямо сейчас перед ними встала одна вполне осязаемая проблема.

Когда у обоих отличная дыхалка, поцелуй затягивается настолько, что губы начинают неметь.

Трудность была весьма прозаичной, но ни один из них не спешил прекращать это безумие. Чэн Цзие, стоявший ступенькой ниже, мягко потянул Юй Сингэ за воротник, удерживая его возле себя. Разница в росте стала заметнее, но это лишь добавляло удобства. Юй Сингэ удивленно моргнул прямо во время поцелуя, а затем запустил пальцы в темные волосы Чэн Цзие, наслаждаясь их мягкостью и приятным теплом.

Поцелуй не терпел лишних слов — он требовал полного растворения друг в друге, самоотдачи в этом древнейшем из проявлений любви, пока за окном вибрировал от зноя воздух. К счастью,

лишать друг друга чувств от нехватки кислорода они не планировали. Лепестки ипомеи тихо подрагивали, солнце нещадно палило, а старые ступени скрипели под их весом, словно ворча на двух взрослых мужчин, решивших устроить сцену страсти прямо на проходе.

Когда они наконец оторвались друг от друга, дыхание у обоих сбилось, но оба поспешили отвести взгляд с самым невозмутимым видом, будто ничего не произошло.

Вообще-то, целоваться было чертовски приятно.

В глазах Чэн Цзие промелькнула теплая усмешка. Глядя на смущенное лицо Юй Сингэ, он шагнул на его ступеньку, вынудив юношу слегка качнуться назад и едва не потерять равновесие. Закрепляя победу, Цзие мягко коснулся губами его щеки.

Обычно лучезарный гитарист принялся демонстративно разглаживать примятый воротник, деланно ворча:

— Хорошо, что я без галстука, иначе пиши пропало.

Впрочем, Юй Сингэ это ничуть не заботило.

Чэн Цзие долго всматривался в черты его лица, пропустив жалобу мимо ушей. Его волновало совсем другое:

— Скажи, каково это — целоваться с мужчиной...

Юй Сингэ мгновенно раскусил его сомнения.

— Гэ, откуда в твоей голове столько лишних мыслей? — Он посмотрел на вокалиста с нежной усмешкой. — Я поцеловал тебя просто потому, что ты мне нравишься.

— Не потому, что ты любишь меня и я обязан ответить взаимностью, а по своей собственной воле.

Юй Сингэ уже довольно хорошо научился читать Чэн Цзие как открытую книгу. Он улыбнулся — мягко, едва заметно. Полуденное солнце заливало все вокруг ярким светом, очерчивая каждую деталь этой улыбки и заставляя его темные кудри сиять золотистым ореолом.

Чэн Цзие тихо рассмеялся. Трудно было описать то невероятное облегчение, которое мгновенно стерло все его внутренние терзания. Наверное, когда получаешь то, о чем давно мечтал, неизбежно появляется страх все потерять. То, что долго томилось на самом дне души и казалось недостижимым, теперь принадлежало ему. И это пугало, сея смутную тревогу каждый раз, когда он сталкивался взглядом с этим юношей.

Юй Сингэ все еще казался ему слишком юным. Юношей, который знает, как сладостно замирает сердце, но еще не постиг всей глубины настоящей любви. Он просто осознал свое влечение и, не раздумывая, бросился в омут с головой. Он понятия не имел, к каким последствиям приведет его сегодняшний выбор.

Возможно, со временем Юй Сингэ поймет, что совершил ошибку, а Чэн Цзие укорит себя за то, что увлек его по этой ложной тропе. Быть может, их чувства разобьются о суровую реальность и они останутся ни с чем.

Но Чэн Цзие было все равно. Даже если им суждено любить друг друга лишь один-единственный день.

Во второй половине дня занятий на курсах не намечалось. Ласковое солнце продолжало заливать улицы теплом, когда они, разобравшись с делами группы, наконец вернулись домой.

Юй Сингэ чинно устроился за стеклянным столом, переписывая партитуру. Обычно мягкий и любящий подразнить парень сейчас выглядел на редкость сосредоточенным. Лишь когда он тихонько напевал рождавшуюся мелодию, на его лице проступала глубокая задумчивость.

Чэн Цзие листал присланные демозаписи. Юй Сингэ время от времени давал дельные советы, их лица оказывались все ближе, пока они вновь не потянулись друг к другу за поцелуем. Видимо, сказывались первые дни их романа, а может, целоваться с Чэн Цзие и впрямь было сплошным удовольствием.

Тихий щелчок — и пластинка в проигрывателе завертелась, а игла плавно скользнула по черному винилу, рождая первые витки мелодии. Мужская ладонь опустилась на край стола позади них. Прижавшись к деревянной столешнице, они целовались под звуки старой, подернутой ностальгией песни.

В ярких косых лучах солнца их темные пряди переплелись, разделяясь лишь на миг, чтобы вновь соединиться.

«Этот день слишком прекрасен, — подумал Юй Сингэ. — Я пронесу воспоминание о нем через всю жизнь».

О лучших временах и мечтать не приходилось.

<http://bllate.org/book/18241/1765508>